

ДМИТРИЙ БЫКОВ

НОВЫЕ
И НОВЕЙШИЕ
ПИСЬМА СЧАСТЬЯ

Дмитрий Быков

**Новые и новейшие
письма счастья (сборник)**

«WebKniga»

2014

Быков Д. Л.

Новые и новейшие письма счастья (сборник) / Д. Л. Быков —
«WebKniga», 2014

Свои стихотворные фельетоны Дмитрий Быков неспроста назвал письмами счастья. Есть полное впечатление, что он сам испытывает незамутненное блаженство, рифмуя ЧП с ВВП или укладывая в поэтическую строку мадагаскарские имена Ражуелина и Равалуманан. А читатель счастлив от ощущения сиюминутности, почти экспромта, с которым поэт справляется играючи. Игра у поэта идет небезопасная – не потому, что «кровавый режим» закует его в кандалы за зубоскальство. А потому, что от сатирика и юмориста читатель начинает ждать непременно смешного, непременно уморительного. Дмитрий же Быков – большой и серьезный писатель, которого пока хватает на все: и на романы, и на стихи, и на эссе, и на газетные колонки. И, да, на письма счастья – их опять набралось на целую книгу. Серьезнейший, между прочим, жанр.

© Быков Д. Л., 2014

© WebKniga, 2014

Содержание

От автора	6
Новые письма счастья	7
Юбиляр	7
Чрезвычайная ода	9
Битва титанов	10
Инспектор Роблес	12
Наказанное корыстолюбие, или блудный отец	14
Юбилейное	16
Разбор пролетов	18
Сдача	20
Пара крутых	22
Подавившиеся лимоном	24
Баллада о двух отпускниках	25
Тайна пола	26
Послание к Ирине Хакамаде,	27
Пардон!	29
Какой ты!	31
Юбилейный разговор с товарищем Андроповым	33
Песнь о вещем Владимире	34
Зеленый друг	36
Инаугурант Буш	37
Назначено!	39
Неправильная победа	40
Благодарность	41
Квотницы	42
Ваших нет	43
Приглашение	44
Перелетные птицы	45
Верхи хотят	46
Баллада о бедной армии	47
Кока-кома	48
Рука Москвы	49
Раздача осла	50
Пропавшая грамота	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дмитрий Быков
Новые и новейшие письма счастья

© Дмитрий Быков, 2014

© «Время», 2014

От автора

Сочинять политические фельетоны в стихах я начал, когда мне надоело делать это в прозе. Вероятно, это было как-то связано с отсутствием ротации в русской политике, или с дефицитом живых и ярких персонажей в ней, или с повторяемостью ее событий: как справедливо писал Слуцкий, поэзия делает интересным даже то, что в прозе уже категорически не звучит.

Сначала «Письма счастья» появлялись в «Огоньке», потом переключались в «Новую газету». Обоим главным редакторам – Виктору Лошаку и Дмитрию Муратову – я благодарен за долготерпение.

Постепенно фельетоны стали еженедельными и начали собираться в книжки. Читателю, наверное, приятно вспомнить, как все это было. Может быть, зарифмованная реальность приятней, эстетичней обыкновенной. Как бы то ни было, «Письма счастья» в 2005 и 2007 годах вышли в «Новом геликоне» (СПб.), а в 2009, под одной обложкой с серьезными стихами, – в «Вагриусе».

В этой книге впервые собрано то, что я писал в последние два года, и кое-что из предыдущего, неустаревшего. Автор надеется, что читать их будет хоть вполтину так же весело, как писать.

Дмитрий Быков

Новые письма счастья

Юбиляр

Июнь 1999. Двухсотлетие Пушкина.

Виват! Пред славным юбилеем
Страна трудилась день-деньской.
Залит отборнейшим елеем
Кумир зеленый на Тверской,
Кумиру чистят бакенбарды,
Палят из пушек, жгут петарды,
Над кучерявой головой
Виется дым пороховой,
И всё родное Хаммурапи —
Дядья без правил, голь, ворье,
Семья и присные ее, —
Повисли на одном арапе:
Вцепились с воплем «Погоняй!»
И мыслят ехать прямо в рай.

И с кепкой мэр, и Лебедь Саша,
И первых вице череда
Кричат: он наше все! он наше!
Все, да не ваше, господа.
И мэр, и нищий в переходе
Равно чужды его природе;
И от братка, и от бомжа
Он отвернулся бы, дрожа.
И русопят, и гордый горец,
И воин, что пред ним дрожит,
И профессиональный жид,
И самоучка-жидоборец —
Все чернь. А впрочем, белизна
У нас не менее грязна.

Но наш поэт, любивший славу,
Не отказался б от венка.
Ему, я думаю, по нраву,
Что треплют лавры старика,
Что не на нужды жизни низкой
Собирают денежку подпиской,
А на издание плодов
Его михайловских трудов,
Что новое запомнит слово
Юнец, который в двадцать лет
Знал только слово «Интернет»;

И наконец, что не Лужкова,
Не Коха, не Бородина
Так пышно чествует страна.

Прости, поэт. Но если после
Всех этих воплей и пальбы
Души, коснеющей в коросте,
Коснется жар твоей судьбы,
И тот, кто был тупой скотиной,
Запомнит только звук единый,
И слово сможет уколоть
Его жиреющую плоть,
И тайным веяньем иного,
Таинственного бытия
Строка единая твоя
Иль хоть единственное слово
Смутит царей, проймет псарей, —
Не зря и этот юбилей.

Чрезвычайная ода

Сентябрь 1999

Пока вокруг опасности таятся
И вся страна дежурит до шести,
Министра чрезвычайных ситуаций
Хочу воспеть и к власти привести.
Но так как я придумать рифму к «Шбйгу»
При всем своем таланте не могу,
То вместо установленного «Шбйгу»
Я буду называть его «Шойгу».

Отечество мое, как идиота,
Приходится спасать сто раз на дню.
Здесь есть одним спасателям работа —
Все прочие давно пошли ко дну.
Упал ли дом, нашли в крупе взрывчатку,
Жарою выжгло тундру и тайгу,
Без топлива оставили Камчатку —
Везде спешат спасатели Шойгу!
Старик забыл, где выход из сортира,
Ребенок ли объелся творогу,
Открылся свищ, закрылась ли квартира —
К тебе спешат спасатели Шойгу!
В моей стране, где даже к честной власти
Относятся как к злейшему врагу,
Исправить ситуацию отчасти
Способны лишь спасатели Шойгу!
Поэтому пора, не отлагая
До будущего лета этих дел,
Избрать его, Отчизна дорогая,
Чтоб он один тобою овладел.

Его ребят я не устану славить,
Его бойцам – приветствия писать...
Америкой, быть может, можно править,
Но Родину давно пора спасат
ь.

Битва титанов

Октябрь 1999. Информационная война Гусинского с Березовским, Семьи с ОВР, «Итогов» с «Программой Сергея Доренко».

На авансцену выходят Сергей Доренко с противотанковым ружьем. Следом за ним из-за кулисы Евгений Киселев выкатывает тяжелую шарманку.

ДОРЕНКО (*аккомпанируя на противотанковом ружье*):

Лужков – супруг своей жены,
Он муж Батуриной Елены,
И все Батурины страны —
Его семьи огромной члены!
Никто доселе не раздул
Разоблачения такого!
Мне кнопку бросили на стул,
И это происки Лужкова!

КИСЕЛЕВ (*заводя шарманку*):

А Ельцин старый и больной,
Он стал посмешищем для мира,
Четвертый год рулят страной
Его семья и два банкира!
Один – Роман, другой – Мамут,
Татьяна их гоняет шваброй...
Меня, наверное, убьют
За то, что я ужасно храбрый!

ДОРЕНКО (*стреляя в воздух*):

Лужков привык грозить Кремлю,
Прикрывшись честною личиной!
Его я в Африку сошлю,
Переодев его мужчиной!
Лужков и Пакколи – друзья.
Мэр не сказал о том ни слова.
В Испании объелся я,
И это происки Лужкова!

КИСЕЛЕВ (*крутя шарманку*):

А Ельцин старый и больной,
Системный кризис абсолютен,
Правитель нужен нам иной,
И до весны сгодится Путин,
А там «Отечества» отцы
Народ возглавят очумелый...
Боюсь, что мне придут концы
За то, что я ужасно смелый!

ДОРЕНКО (*разражаясь градом выстрелов*):

Лужков – чудило из чудил.
Кот испугался попугая!
Сначала дело возбудил,
За клевету меня ругая,
Но после двух недель возни
Его закрыли бестолково.
Я на свободе, черт возьми,
И это происки Лужкова!

КИСЕЛЕВ (*вертя ручку*):

А Ельцин старый и больной!
Он говорит с ужасным хрипом!
Помимо всяких параной,
Он третий год болеет гриппом!
Отшибло ум у старика,
Он разгребает хлам бумажный...
Меня убьют наверняка
За то, что я такой отважный!

ДОРЕНКО (*стреляя*):

Лужков – пахан и крестный дон!

КИСЕЛЕВ (*играя*):

Дьяченко – в роли кардинальши!

ДОРЕНКО:

Услать Лужкова за кордон!

КИСЕЛЕВ:

Отправить Ельцина подальше!

ДОРЕНКО:

Московской мафии – капут!

КИСЕЛЕВ:

Семья к отплытию готова!
Меня убьют! Меня убьют!

ДОРЕНКО:

И это происки Лужкова!

Инспектор Роблес

Февраль 2000. Международная инспекция в Чечне.

Сцена изображает Чечню.
Чечня выглядит соответственно.

ХИЛЬ-РОБЛЕС, комиссар Совета Европы:
Чечня желала отделения,
Вы утвердили власть Москвы...
Но эти мирные селенья
Изрыты взрывами, увы!
Тут след от танка, там – от «Града»
Чернеет выжженный провал...
Ужели так оно и надо?
Суворов так не воевал!

ВЛАДИМИР КАЛАМАНОВ:
Вы зря, любезный, завздыхали.
Вы зря, милейший, трете глаз.
Мы не взрывали. Мы пахали!
Чеченцы сами просят нас!
Позавчера совет старейшин
Нам предложил cooperation.
И техника прошла парадом,
Взрывая почву и рыхля:
Мы артиллерией и «Градом»
Вспахали мирные поля!

ХИЛЬ-РОБЛЕС (*смущенный*):
Пусть так. Но видел я не дале,
Как день назад, вблизи Шали:
Чеченца к танку привязали
И вслед за танком волокли!

СЕРГЕЙ ЯСТРЖЕМБСКИЙ:
Мой друг! Довольно провокаций.
Какая свалка в голове!
Вы начитались публикаций
И насмотрелись НТВ.
В борьбе с чеченским бездорожьем
Мы не жалеем наших сил.
Ну, привязали. Ну, положим.
Так он же сам и попросил!
Ему бы до родного братца
В село желательно добраться:
Машина вязнет – глинозем...
Нас попросили – мы везем!

ХИЛЬ-РОБЛЕС (*потрясенный*):

О да, о да... Ведь тут разруха...
Но мне почудилось слегка —
Один солдат отрезал ухо
У пленного боевика...

ИГОРЬ ИВАНОВ:

О друг мой, сколько вам наврали!
Как журналисты нам вредят!
Не порицанья, а медали
Достоин добрый сей солдат:
Чеченец, жертва золотухи,
Имел нарыв на этом ухе!
Отрезав ухо, наш Ахилл
Гангрену тем предотвратил!

ХИЛЬ-РОБЛЕС:

Да, вы ни в чем не виноваты,
Но мне бы фильтры посмотреть:
Мне говорят, что там солдаты
Чеченцев заставляли петь!

СЕРГЕЙ ЯСТРЖЕМБСКИЙ:

Во врут-то, гады! Вот пурга-то!
Да тут чеченский весь народ
При виде русского солдата
Луженым голосом поет:
«Ура, ура! Ликуют детки!
Пришел на родину покой!»

ХИЛЬ-РОБЛЕС (*робко*):

А это... кто висит на ветке?

ВЛАДИМИР КАЛАМАНОВ (*дружески*):

А... это слива. Сорт такой.

Наказанное корыстолюбие, или блудный отец

Нравоучительная драма XVIII века

Декабрь 2000

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Блудный Отец – мужчина с характерной внешностью, лет пятидесяти. Быстрая речь, бегающие глазки.

Добродетельный Сын – мужчина лет сорока пяти с губастым, открытым и честным лицом.

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ:

Внемли, жестокий сын моих мохнатых чресел!

Почто ты на меня ярлык врага навесил?

Почто не обратишь губастого лица

Ты в сторону меня, несчастного отца?

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН:

Нет, ворон, я не твой! С упрямством ишачиным

Меня, главу страны, ты называешь сыном.

Дитя я органов и доблестной Семьи,

Но эти органы, папаша, не твои!

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ:

Помилуй, дитячко! В семье признали сами —

Я создавал тебя вот этими руками!

Ты плод моих трудов, моих костей и жил,

А сколько долларов в тебя я заложил!

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН:

Ты деньги на меня давал по доброй воле.

А чем ты нажил их? Трудом полезным, что ли?

Спасибо же скажи, что я еще слегка

Даю тебе давно уместного пинка.

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ (*бурно жестикулируя*):

Нет, вы послушайте! О боже, боже правый!

Не я ли год назад вскормил тебя «Андавой»?

Не я ли, скототив «Единство», сбился с ног?

О да, я воровал – но для тебя, сынок!

Кристалльный, как Прудон, расчетливый, как Струве,

Я все, что добывал, тащил тебе же в клюве!

Я первые твои купил тебе штаны,

А ты меня теперь погонишь из страны!

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН:

Ты мне купил штаны помимо всяких правил,

А скольких россиян ты без штанов оставил?

Ужели веришь ты, что за твои штаны
Все власти потакать тебе обречены?
Беги, ты мне никто! Скажи еще спасибо,
Что ты наказан днесь не стройками Запсиба
И не Чукоткою, как твой дружок Роман,
А выслан за рубеж и прячешься в туман!

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ (*глумливо*):

А если рассказать стране и правосудью,
Как я тебя кормил вот этой самой грудью?
А если я скажу ликующей толпе
Всю правду про тебя, про Таню и тэ пэ?
Когда ты не вернешь мне прежних предпочтений,
Я столько соберу таких пресс-конференций,
Что книги Коржика, чтоб был он так здоров,
Тебе покажутся укусом комаров!

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН (*с достоинством*):

Да, это аргумент расчетливый и скотский.
Но помнишь – за рубеж был выслан некто Троцкий?
Он тоже был хитер и временами груб,
Однако на него нашелся ледоруб!

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ:

О, нечестивый сын! Кому грозишь ты плахой?
Куда, куда меня ты посылаешь?!

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН:

К черту!
А вы запомните, блудливые отцы:
Вас тоже могут ждать подобные концы.

Юбилейное

*К 70-летию Бориса Ельцина
Январь 2001*

Незабвенный Борис Николаич!
Черт со свечкою, поп с кочергой!
Все, чего ты себе пожелаешь,
Пусть сбывается, друг дорогой!
С угрожающей грацией лося
Ты гонял окружающих лис...
Пусть бы все это так же сбылось,
Как твои обещанья сбылись!

Что сулил нам возлюбленный Ельцин?
Право, кончу ли, если начну!
Собирался ложиться на рельсы
И в покое оставить Чечню,
А реформы, свободы, дефолты,
А привычка премьеров менять...
Впрочем, нет. Не настолько мы желты,
Чтоб Борису сегодня пенять.

Не такие мы, Боря, путанки!
Ты за все заплатил головой.
Ты в историю въехал на танке
И уполз из нее чуть живой.
Пусть, при жизни в забвение канув,
Попирают тебя остряки:
Ты взрастил поколение титанов.
Может статья, себе вопреки.

Вот они – широки, гонористы,
Демократии нашей творцы:
Губернаторы, авантюристы,
Олигархи, писаки, борцы!
Рос любой, кто с тобою связался,
Попадая на твой карнавал.
Даже жулик гигантом казался
(Ибо кто еще так воровал?!).

Несравненных ты вырастил гадов,
Сверхгигантских вскормил пауков:
Березовский, Гусинский, Масхадов,
Сосковец, Барсуков, Коржаков...
Но зато и какие герои!
Кох, Чубайс, и Лужок-на-Москве,
И Явлинский, раздувшийся втрое

От сознания, что он в меньшинстве!

Ты все реже являешься, скромник,
Ты навеки Барвихой пленен.
Твой преемник похож на приемник,
Детприемник дзержинских времен.
Все как будто бы тихо и гладко,
Старикам прибавляют монет,
Есть иллюзия полупорядка...
Все в порядке. А воздуха нет.

Разбор пролетов

Июнь 2001. Арест Владимира Гусинского после недавней истории с таинственным исчезновением и столь же таинственным обнаружением Андрея Бабицкого.

Сцена изображает кремлевский кабинет Путина. ПУТИН нервно ходит по ковру. На ковре перед ним – вызванные на разбор полетов Рушайло, Патрушев и Устинов.

ПУТИН:

Это что же вы творите, сукины сыны?
В США и в Лондон-сити все потрясены!
Говорят, что я свободу прессы удушил
И российскому народу хавальник зашил!
Я ж велел вам только прессу мягко уломать,
Не теряя политесу, шлеп же вашу мать!
Вы ж Бабицкого ломали, как тайфун – тростник!
Нешто вы не понимали, резник и мясник?!

СИЛОВИКИ (*хором*):

Ну, пускай наполовинку пережали пресс —
Нам же все-таки в новинку этот политес!
Не чуждайся нашей дружбы и не обессудь:
Мы ведь все ж таки спецслужбы, а не кто-нибудь!

ПУТИН:

Ну, Бабицкого прощу хоть. Но налет на «Мост»?!
Я же вас просил прощупать, потянуть за хвост,
Но устроить маски-шоу посреди Москвы —
Это, братцы, по-большому мне наклали вы!
Можно было компроматом рожи им намять,
Но нельзя же автоматом, шлеп же вашу мать!

СИЛОВИКИ:

Ну допустим, ну а фиг ли? Тут же враг кругом!
Мы же, Вова, не привыкли цацкаться с врагом!
Так что мы не виноваты, зря не голоси:
Мы ж ведь все-таки солдаты, а не хрен соси!

ПУТИН:

Что же мне, раздать награды? Ручки вам пожать?
Ну Гусинского-то, гады, кто велел сажать?
Я ж сказал – пугнуть немного. Дескать, доконал.
У него ж, у демагога, собственный канал!
Тут про эту предварилку воеет целый свет!
Я ж сказал – «Загнать в бутылку», а в Бутырку – нет!

СИЛОВИКИ:

Что он тут торчал, как цаца, грязью нас полив?

Пусть он едет издеваться на фиг в Тель-Авив!
Пред тобой, Вован, мы чЁсты, или нет, чист°,
Мы ж ведь все-таки чекисты, ровно как и ты!

ПУТИН:

Да конечно, это суки, сволочи, враги —
Но ведь нам связали руки внешние долги!
Запад как о троглодите воеет обо мне!
Вы уж все-таки блюдите видимость вовне!
Чтобы мы хотя б снаружи, глядячи в упор,
Были все-таки не хуже, чем до этих пор!
Занимайтесь тут хоть сыском, жмите всю печать,
Но кончайте вы с Гусинским!

СИЛОВИКИ (*радостно*):

Стало быть, кончать?!

ПУТИН (*с досадой*):

Да к чему же нам расправа, пытки и бои?
Эк у вас зудит-то, право, прыткие мои!
Пусть бы он на волю вышел, шлеп же вашу мать,
Пусть бы я о нем не слышал дней хотя бы пять!

СИЛОВИКИ (*с готовностью*):

Мы, быть может, грубоваты, выжжены в борьбе,
Но, однако, мы – солдаты, верные тебе!
И тебе даем мы слово: про него, жида,
Ты не будешь слышать, Вова, больше никогда!

Бросаются к Путину и отрывают ему уши.

Сдача

Июль 2001. Югославия во главе с Воиславом Коштуницей сдала Слободана Милошевича Гаагскому военному трибуналу.

ЧЛЕНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА (*шепотом, Джинджичу*):

Смелей! Решайся, ренегат,
Ослица Буридана!

ДЖИНДЖИЧ (*неуверенно*):

Воислав! Вишь, какой расклад...
Мы сдали Слободана.

КОШТУНИЦА:

Ну, блин! Не жизнь, а волшебство.
Скандалы на скандале!
Кто согласился взять его
И что за это дали?

ДЖИНДЖИЧ:

Да на него еще когда
Прислали нам бумаги!
Короче, мы сказали «да» —
И он теперь в Гааге.

КОШТУНИЦА (*бледнея*):

Не может быть! Да ты в уме?!
Отдать в Гаагу Слобо!
Теперь мы все в таком дерьме!
И вы! А я – особо!

ДЖИНДЖИЧ:

Ты знаешь, я подумал тут...
Он, знаешь, шизофреник,
А нам сказали, что дадут
За это много денег!

КОШТУНИЦА:

Ух, как взъярится большинство!
Скажи мне, ради бога:
Вы, значит, продали его?

ДЖИНДЖИЧ:

Но денег правда много.

КОШТУНИЦА (*остывая*):

Весь мир теперь остынет к нам...

ДЖИНДЖИЧ:
Воислав, это враки.

КОШТУНИЦА:
Да он с собой покончит там!

ДЖИНДЖИЧ:
Воислав, это вряд ли.

КОШТУНИЦА:
И как я мог не уследить?!
Мне что теперь – убиться?

ДЖИНДЖИЧ:
Но не самим же нам судить
Народного любимца!

КОШТУНИЦА (*с тоской*):
Теперь начнется крик, скандал,
И шум, и тьма кромешна...
Но я не знал! Ведь я не знал?

СОВЕТ МИНИСТРОВ (*хором*):
Не знал! Не знал, конечно!

КОШТУНИЦА (*примиренно*):
Мне лишь Отчизна дорога!
Я чужд угрюмой злобы!
А денег много?

СОВЕТ МИНИСТРОВ:
До фиги!

КОШТУНИЦА:
Но я не знал?

ДЖИНДЖИЧ:
Еще бы!

Пара крутых

Октябрь 2001. Путин встречается с Бушем.

БУШ:
Мой друг Владимир...

ПУТИН:
Можно Вова.

БУШ:
Любезный друг, не всем дано
Понять друг друга с полуслова,
Но я-то понял вас давно.
Вступив на верную дорогу,
Вы сильно радуете нас.
Ведь демократия, ей-богу,
Всем надоела двадцать раз!

ПУТИН:
Любезный Джорджи!

БУШ:
Можно Жора.

ПУТИН:
И мы признаться вам должны,
Что доигрались до упора
В развале собственной страны.
Мог презирать любой узбек нас,
Про молдаван не говоря...
Какая, блин, политкорректность!
Россия требует царя!

БУШ:
Я знал, что мы пойдем друг друга.
Я знал, что мы друг другу в масть.
Народы наши от испуга
Хотят лизать любую власть.

ПУТИН:
И как тут, Жора, ни крутись ты —
Поверь общественной нужде:
Когда приходят террористы,
Страна нуждается в вожде!

БУШ:
Признаться, Вова, не пора ли —

Скажу, как русскому царю:
Нас очень вовремя избрали!

ПУТИН:

И я про то же говорю!
Настало время нашей роты
Творить активное добро.
Что, кстати, думаешь про ПРО ты?

БУШ:

Оставь, мой друг! Какое ПРО!
Тому залог мои седины —
Об этом я давно умолк.
Теперь должны мы быть едины.
Тебе не нужно денег в долг?

ПУТИН:

Не надо, справимся легко мы.
Страна не зря горда собой.
Нужны ль тебе аэродромы?
Бери, пожалуйста, любой!

БУШ:

Давай, мой друг, поднимем знамя
Защиты вольности и прав!
И кстати, Вова... Между нами...
В Чечне ты был, похоже, прав.

ХОРОМ:

Гордитесь Путиным и Бушем,
Вовсю выпячивайте грудь!
Весь мир исламский мы разрушим.
Кто был ничем – ничем и будь!

Подавившиеся лимоном

Июль 2002. Суд над Лимоновым.

Отечество судит писателя вновь,
Причем на закрытом процессе.
Писательство портит и нервы, и кровь.
Оно из опасных профессий.

Состряпанных белыми нитками дел
Немало в российских анналах:
Сидел Чернышевский, и Горький сидел —
Поэтому мир и узнал их.

Сидел Достоевский, и – горе уму! —
Бывал Грибоед под арестом.
Под стражей Тургенев задумал «Муму»,
Что стала его манифестом.

Кобылин сидел, и сидел Мандельштам,
Клеймивший опричников смело:
Он встретить бы мог и Шаламова там —
Писателей много сидело.

Российский Парнас – это смрадный подвал,
Россия – страна неурядиц:
И Пушкин – вы помните – в ссылке бывал,
И Бродский сидел, тунядец...

Но судей Лимонов приводит в экстаз:
Всех прочих уделал Лимонов!
Писателей брали в России не раз,
Но брали, увы, без ОМОНов.

Должно быть, Лимонов – писатель крутой,
Не зря он попал на скрижали!
Зато уж Толстой – это полный отстой:
Его никогда не сажали.

Уж как он хотел посидеть, говорят,
Уж как он того добивался —
А все ж не попал в этот доблестный ряд,
Тогда как Лимонов – прорвался.

И ты не в обиде, российская власть,
И вы, доносители-шкуры:
Когда вам еще доведется попасть
В историю литературы?

Баллада о двух отпускниках

Июль 2002

Отпуск пришел, на дворе июль,
В мареве горизонт...
Ельцин бросается в Иссык-Куль,
Путин – в Эвксинский понт.

Два президента, два главаря,
Светочи, блин, очей...
Плавает Ельцин, а втихаря
Хочет назад, в Ручей.

«Я бы, как грозное божество,
Им бы пустил кровя!
Я показал бы им всем... тово!» —
Думает он, пlying.

И вылезая на настил,
Прыгая на доске,
«Хоть бы назад он меня пустил!» —
Он говорит в тоске.

...Путин плышет, держа под волной
Ядерный ридикюль.
Путин устал управлять страной —
Хочет на Иссык-Куль.

«Здесь невозможно, спасая власть,
Не ущемить права...
Хоть бы, ей-богу, им всем пропасть!» —
Думает он, пlying.

И набирая воздуху в грудь
Прыгая на песке —
«Хоть бы уехать куда-нибудь!» —
Он говорит в тоске.

Так вот и плавают два вождя,
Хором себе твердя:
«Если бы нам поменяться!» Но —
Этого не дано:

Ельцин, брызги подняв, как куль,
Прыгает в Иссык-Куль —
Путин, сложивши солнечный зонт,
Лезет в Эвксинский Понт.

Тайна пола

Май 2003. Приехал Пол Маккартни.

Страна была поражена: в субботу Путин принял Пола. Там были Пол, его жена и скромный гид мужского пола. Ловила жадно вся Москва беседы важные детали, но только общие слова до русской прессы долетали. О чем был главный разговор – гадать могли бы до утра мы, когда бы благородный вор нам не представил стенограммы.

ПУТИН:

Привет вам, милые, привет! Давно хочу спросить у Пола – без телекамер, без газет и вообще без протокола: вас обожало большинство, и меньшинство любило прочно – ваш рейтинг больше моего...

ПОЛ:

Не может быть!

ПУТИН (*хмуро*):

Проверил, точно. Мой – семьдесят, битловский – сто. Не веришь – спросишь у Суркова. И вот хочу спросить: за что? Чего вы сделали такого?

МАККАРТНИ (*чувствуя себя виноватым*):

Я ничего не делал, сэр! Мы просто музыку лабали! Я – на гитаре, например, а Ринго Старр – на барабане.

ПУТИН (*начиная сердиться*):

Мы много книг про вас прочли! Не надо с нами, как с ослами! Не замирили вы Чечни, Березу в Лондон не сослали, не поднимали ВВП, телемостов не проводили – а только шлялись и т. п. по этой вашей Пикадилли. Ну там концертик, ну другой... Но извини – у нас в России Газманов левою ногой писал бы песенки такие! А как Кобзон у нас поет? Включи любую передачу – и сразу видно: патриот! А вы что пели? Чушь собачью! Мне переводчик перевел – там слабо с уровнем моральным. Сравни ты эти песни, Пол, с моим посланьем федеральным – легко поймет любой дурак, что я владею словом метким. А все же хлопали не так! Не так, как вашим шансонеткам! Я даже пенсии плачу, я в Грозном одержал победу, когда куда-то не лечу – так, значит, я куда-то еду... Кому ты пенсии даешь? Кому, скажи? Не прячь глаза-то! Ты все про йестеди поешь, а я – про радостное завтра! Так объясни же, отчего на всей земле на самом деле твой рейтинг выше моего?

МАККАРТНИ (*испуганно*):

Не знаю, сэр! Мы просто пели...

ПУТИН (*задумчиво*):

Ну вот, поди теперь ответь, кого возносит случай шальной...

Чего же мне теперь – запеть? Сыграй-ка, Пол! Споем, пожалуй!

ХОРОМ:

Can't buy me love, yeah...

Послание к Ирине Хакамаде,

как если бы она домогалась моей любви

Январь 2004. Правые потерпели на думских выборах катастрофическое поражение.

Ты ни к чему, Ирина Хакамада,
У нас в степи.
Хотя тебе, наверно, хокку надо,
Но потерпи.
Тебе не будет никакого хокку,
И я клянусь:
Тебя не хочет ни с какого боку
Святая Русь!

Когда-то вы с Немцовым и Чубайсом
Пятнадцать лет
Имели нас по самое не бойся.
Тут рифмы нет,
Но мы народ простой, неприхотливый
И мы вполне
Без рифмы вовсе можем обходиться,
Когда хотим!

Когда бы ты под действием порыва
Любви земной
Вдруг извиваться стала похотливо
Передо мной, —
Тогда б науку вспомнил я отцову
И поднял плеть:
Ступай к Немцову, милая, к Немцову,
А к нам – не смей!

Мы скифы все, мы евро-азиаты,
Нас тьмы и тьмы!
Вы тем уже пред нами виноваты,
Что вы – не мы!
Вы всё отнять хотите – от Тамбова
И до Курил.
Оденься, ты! – сказал бы я сурово
И закурил.

Но даже если б ты не уходила,
Нюня, стоня,
И мне сквозь зубы жалобно твердила
«Возьми меня», —
Я, может быть, к мольбам влюбленной гейши
Бы снизошел,
Но избирать тебя на пост главнейший

Бы не пошел!

Уже довольно Родина страдала
От правых сил!
У нас теперь ни правых сил не стало,
Ни левых сил!
Их никаких у нас теперь не стало —
Один патрон;
Теперь тебя нам только не хватало
Избрать на трон!

Езжай домой, Ирина Хакамада,
Езжай, и всё!
Там харакири, сакура, микадо,
Сумо, Басё,
Возьми с собою книги Мураками,
Сакэ, суши,
И впредь не трогай грязными руками
Моей души!

Пардон!

Май 2004. Джордж Буш и Тони Блэр признали, что НАТОвские военнослужащие пытали мирных иракцев.

БУШ:

Ну что сказать... Я как в пекарне...
Пытали пленных наши парни.
Пытали. Да. Я признаю.
Пускали, в частности, струю...

БЛЭР:

На одного они мочились,
А одному сломали челюсть,
Как сообщила нам ПАСЕ...
Но это делали не все!

БУШ:

Они, конечно, там устали,
Не то бы делать так не стали!

БЛЭР:

И я не стал бы, например!
Ты стал бы, Буш?

БУШ:

Не стал бы, Блэр!
Иракца, кстати, как ни мучай —
Он удивительно живучий,
И это, в общем, частный случай,
Раздутый вражеской молвой!
Их дома плохо воспитали,
И потому они пытали,
Но тот, кого они пытали,
Остался все-таки живой!

БЛЭР:

Мы их замучаем судами!
А как пытали при Саддаме?
Конечно, нас он не пытал...
Но я читал!

БУШ:

И я читал!
Конечно, пленных били током —
Но ведь не всех и ненароком!
Держали без трусов и брюк —
Но ведь не вешали на крюк!

И всем давали хлеб и воду!
И вообще, когда свободу
Несешь иракскому народу,
Чтобы тирана победить,
И мочишь всех, себе в убыток, —
То как управиться без пыток?!
Я точно знаю, что без пыток
Нельзя свободу насадить!

БЛЭР:
Ну, поколотят. Ну, повяжут.
Ну, будет трещина в хряще...

БУШ:
И пусть они спасибо скажут,
Что не убили вообще!

Какой ты!

Июнь 2004

Сцена изображает кремлевский кабинет Путина. Перед ним стоит президент Южной Осетии Эдуард Кокойты.

КОКОЙТЫ:

Прошу, от паники устав:
Моих сограждан успокой ты!
Возьми нас, Вова, в свой состав!
Мы рвемся к русским!

ПУТИН:

Ах, Кокойты!
Забудь резню, оставь возню,
Мы все давно уже решили —
Ведь если я тебя возьму,
Мне не простит Саакашвили!

КОКОЙТЫ:

Володя, что тебе грузин:
Кто он такой – и кто такой ты?
Ему лишь пальцем погрозим —
И он отступит!

ПУТИН:

Ах, Кокойты!
Конечно, ты не из разинь —
Вцепился в трон, живешь богато...
Но он не просто так грузин!
За ним же Буш и все ребята!

КОКОЙТЫ:

Володя, слушай, что нам Буш!
На это все глаза закрой ты.
Мы все – нас двести тысяч душ —
Хотим в Россию!

ПУТИН:

Ах, Кокойты!
Оставь напрасные мечты,
Тебе придется поклониться!
Ведь не Россию любишь ты,
А контрабанду на границе.

КОКОЙТЫ:

Ну да, люблю. И что с того?

Кто первый встал, того и тапки!
Россию любит меньшинство —
Все остальные любят бабки.
Делиться, кстати, я готов.
Уже теряешь рейтинг свой ты:
Где Абашидзе? Был таков!
А он за русских!

ПУТИН:

Ах, Кокойты!
У вас там ногу сломит черт!
Тебе скажи, а ты раструдишь...
Не русских он любил, а порт!
А ты... тоннель ты Рокский любишь!

КОКОЙТЫ:

Люблю! Но, денег не любя,
Нельзя, Володя, миром править!
А также я люблю тебя —
Сильней, чем можешь ты представить.
Земля у нас сейчас ничья,
Ее, пожалуйста, прикрой ты —
Иначе новая Чечня
Вас ожидает...

Падает к нему в объятия.

ПУТИН (*потрясенно*):

Ах, Кокойты!

Юбилейный разговор с товарищем Андроповым

Июнь 2004

Грудой дел отшумев и отхлопав, день отошел и угас вдалеке. Двое в комнате – я и Андропов фотографией в родном «Огоньке». Светлым взором смотрит, как витязь, насквозь пронзая душу мою... Что вы сказали? «Прошу, садитесь»? Спасибо, не тревожьтесь, я постою. Товарищ Андропов, я вам докладываю. То есть закладываю, проще сказать. Товарищ Андропов, работа адская будет сделана и делается опять. Это ничего, что я так разговариваю? Трудно выбрать достойный тон... Делают по вашему, в общем, сценарию: сначала – богатых, прочих – потом. Олигархи уже сидят у параша и тщетно ждут перемен в судьбе. Наверху уже, в общем, почти все ваши. Хоть не «КГ», но по-прежнему «Б». Все точно помнят вашу методику – сейчас дословно произнесу: «Можно отнять любую свободу, но надо сначала дать колбасу!» И вот я сижу с колбасой в обнимку – а также не голый и не босой – и рапортую вашему снимку, как хорошо мне тут с колбасой.

В России много умных и грамотных, кто вам посвящает восторг и пыл. В Петрозаводске поставлен памятник: лоб – как у Ленина, нос – как был, а выражение – как у Тютчева: мол, стой, Россия, на страх врагам! Все говорят – вы хотели лучшего, но не успели, хвала богам. Спасибо вам, что вы не успели! Не то бы я, как некий герой, давно в деревянной лежал постели, а то и просто в земле сырой. Неважно даже – чистки, война ли... Долго ли, в общем, найти заказ? Теперь вы, правда, меня догнали, но двадцать лет я прожил без вас.

Вы были правы, пресечь распад решив. Сегодня мы тоже не можем ждать. Так утверждает товарищ Патрушев, а он-то знает, что утверждать. Теперь во власти не паралитики, а сплошь спортсмены, сажень в плечах, но... Что касается внешней политики, эта область пока зачахла. Мир стал какой-то однополярный. Чуть отпустили его – и вж-жик!

Всем заправляющий Буш коварный ставит Ираком своих и чужих. А впрочем, таких подбирает лбов он и так не шадит чужих потрошков, как будто при вас еще завербован, а может, он наш, полковник Бушков?

На свете нет таких телескопов, чтоб в них увидеть грядущие дни, но я боюсь, товарищ Андропов, что контуры как бы уже видны. Хотя и лежим под западным выменем, вовсю уже машем своим жерлом, и вашим, товарищ, сердцем и именем думаем, дышим, боремся и живем. А так как я ни на шаг от правил и жизнь моя тут далеко не легка, прошу запомнить: я вас поздравил. По поручению «Огонька».

Песнь о вещем Владимире

Ноябрь 2004

Как ныне собирается вещий Вован
Поздравить вождя Украины,
Не зная еще, что Павловского план
Уже превратился в руины.
Он трубку виском прижимает к плечу:
«Я вас, Янукович, поздравить хочу!»

Польщен Янукович: не каждый премьер
С Вованом общается вещим!
Но как, не нарушив приличных манер,
Сказать, что поздравить-то не с чем?
Ероша хохол и кусая губу,
«Вы рано звоните», – он цедит в трубу.

«Да как это рано? – не понял ВВ.
– Ведь я же сказал, чтобы сразу!
Приказы мои исполняют в Москве,
Как только закончу я фразу!»
«Все так, – отвечает соседний глава, —
Но тут, к сожалению, пока не Москва».

«Ну ладно, – бурчит недовольный ВВ
И в ярости трубку бросает. —
Пока они тянут и пилят лаве,
Поеду я лучше на саммит!»
Но с саммита снова звонит Януку
И хитро ему произносит: «Ку-ку!»

«Ку-ку», – говорит Янукович в ответ.
Тогда с выраженьем зловещим
ВВ говорит: «Принимайте букет.
Иль снова ты скажешь, что не с чем?
Поставил я подпись! Ты понял, чувак?!»
Но вновь Янукович ответил: «Никак».

Меж тем и общественность как-то бузит,
Не ждавши такого сюрприза.
«Ты с чем поздравляешь его, паразит?!» —
Шипит из угла Кондолиза.
«С днем ангела!» – ей говорит ВВП,
А сам понимает, что это ЧП.

Три дня пробежало. Российский вожак
Настроен все резче и резче.

Он снова звонит: «Поздравлять или как?» —
Но, слыша привычное «Не с че...»,
Швыряет любимую трубку с гербом
И в твердую стену колотится лбом.

«Ну как это можно? – он стонет в тоске. —
Он что там – кидает монету?!
Когда я кого назначаю в Москве,
Вопросов, как правило, нету!
Бывает, назначишь кого-нибудь, мнать, —
И сразу же можно уже поздравлять!»

Зеленый друг

Ноябрь 2004

Осенью 2004 года доллар продолжил падение. Многие россияне разуверились в нем.

Люблю тебя, хоть ты не обещаешь создать со мной классической семьи. Ты спишь со мной (в подушке). Воплощаешь в себе одно все ценности мои. Ты символ власти, доблести, свободы, уверенности, нежности, еды. В тебе храню я прожитые годы. В тебя я воплотил мои труды. Ты заслонил кремлевские рубины, не говоря про русские рубли. Вся жизнь моя ушла в тебя, любимый. Отсюда и накал моей любви.

Идеи – фетиш. Мне не до идей уж. Патриотизм развеялся как дым. Меня тревожит то, что ты худеешь, но ты мне даже нравишься худым. Мы связаны с тобой, как Холмс и Ватсон, как инь и ян, как горн и пионер, и как-то лучше падать вместе с баксом, чем подниматься с гривной, например. Толстеет рубль – теперь он весит много, но что мне проку от таких монет? Я на тебе читаю: «Верим в Бога». А на рубле читаю: «Бога нет».

Как опытный преступник – с адвокатшей, как модный галерейщик – с меценатшей, как эмират арабский – с эмиратшей, с тобой я свыкся. Ты мне не чужой. Ты падаешь – но с женщиной падшей приятней, чем с неопытной ханжой. С тобой резервы русского народа, я верю, будут в целостности всегда. Пускай к финалу будущего года ты сбросишь пять процентов – не беда! Конечно, это бьет по нашим шеям и поджигает наши животы, но мы с годами все не хорошеем, и радостно, что с нами вместе ты.

В стране, где пахнет водкою паленой, где разбавляют даже молоко, – мне нравится, что ты такой зеленый и что тебя подделывать нелегко. Что запретят тебя – мне думать больно. У нас ведь правят левою ногой... Но как люблю я чистый взгляд Линкольна! Что? Линкольна? Как скажешь, дорогой! Тебя мне не заменит Центробанк, блин! Как будто Центробанк Россию спас! Все хороши, но самый милый – Франклин. Он лучше Вашингтона в сотню раз.

Исчезнет евро – я стерплю потерю: ты перспективней, ясно и ежу. По-прежнему я все тобой мерю и все, что есть, в тебя перевожу. Среди российской вечной круговерти лишь ты один – надежность и уют. Как ты стыдливо прячешься в конверте, когда тобой зарплату выдают! Надежная, проверенная суша, добытая в мучительной борьбе... Пускай я не люблю, допустим, Буша. Но Буша ведь и нету на тебе!

Пусть ценник, украшающий обменник, грустнеет с каждым днем календаря, – тебе я верен, как кавказский пленник был верен долгу, грубо говоря. И с гордостью, глотая ком соленый, я говорю российским господам: «Он будет стоить тридцать, мой зеленый!»

А если нет, то я его продам.

Инаугурант Буш

Январь 2005

ГОЛОС ПУТИНА (*в трубке*):

Послушай, Джордж! Звоню тебе, как другу.
Есть несколько вопросов, но сперва
Хочу тебя поздравить с ина... угу...
Короче, с тем, что ты опять глава.

БУШ (*прочувствованно*):

Спасибо, Вов! И я тебе, как другу,
Готов сказать, что ты мне всех родней...

ПУТИН (*перебивает*):

Но ты толкнул какую-то речугу!
Я кой-чего не понимаю в ней!
Я уточнить хотел бы для проформы,
А то Россия тоже не поймет.
Вот ты сказал, что, делая реформы,
Не худо уважать бы свой народ.
А то иной берется слишком круто —
И вся страна в прогаре, почитай...
Ты, собственно, кого имел в виду-то?

БУШ (*испуганно*):

Китай!

ПУТИН (*успокоенно*):

И я подумал, что Китай.
Вот пара фраз буквально авантюрных —
Мы тут буквально все потрясены.
Мол, те, что кое-где томятся в тюрьмах,
Есть будущая власть своей страны.
А ежели тиран не верит в это,
То он недальновидец и дурак.
Скажи, кого ты держишь в голове-то?

БУШ (*смущенно*):

Ирак!

ПУТИН (*обрадованно*):

И я подумал, что Ирак!
Еще один вопрос – и я отстану.
Одна деталь меня буквально жжет.
Ты говорил, что есть на свете страны,
В которых власть свободу бережет,
Не жмет на кнопки, не ломает клавиш,

Но управляет, личностей ценя...
Ты, собственно, кого в пример-то ставишь?

БУШ (*в отчаянии*):
Тебя!

ПУТИН (*удовлетворенно*):
И я подумал, что меня.

Назначено!

В январе 2005 года были объявлены имена первых губернаторов-«назначенцев» (в Саратовской, Амурской областях, Еврейской автономной области и Ямало-Ненецком автономном округе).

Вхожу в кафе. Прошу себе меню. Официант, загадочен и мрачен, мне говорит, что выбор мой назначен и пусть я в этом сам себя виню. Так лучше с точки зрения морали, так думают эксперты и печать, но все, что мы когда-то выбирали, теперь нам будут сверху назначать. Либерализм, выходит, канул в Лету. Возьмите борщ и выпейте до дна.

Я говорю:

– Но я хочу котлету!

Он говорит:

– Котлета вам вредна.

– Ну хорошо, – я говорю в ответ, – привыкну я и к этой перемене... Но, может, завтра можно мне котлет?

– Нет, завтра, – говорит, – у нас пельмени.

– Ну ладно, – говорю, – пойду к жене. Но я ведь не женат; жениться, что ли? Хоть это в моей покуда воле – иль и жену теперь назначат мне?

Иду к Марусе. Говорю:

– Маруся! Моею будь, ты лучшая жена!

Она в ответ:

– Сейчас я разревуся, но я уже другому отдана. Женою я назначена соседу, его зовут Иван Попийвода, и завтра же к нему я перееду, хотя клянусь любить тебя всегда. И то сказать – у нас опасна воля! Начнется хаос, подкупы, пиар... Тебе ж, увы, назначен некто Коля. Вы лучшая из всех возможных пар. Увы, ты часто злишься беспричинно, ворчишь на президента, рвешься в бой... Он усмирит тебя.

– Но он мужчина!

– А женщина не справится с тобой!

– Ну что же, – говорю. – Чего же боле. Такой судьбы не пожелать врагу: котлеты нету, я женат на Коле... Но что-то выбрать я еще могу!

Иду домой, шагаю к гардеробу, хватаюсь за рукав от пиджака – из гардероба тянется рука и мне подносит каторжную робу, хотя и подновленную слегка.

– Что это? Может быть, в порядке штрафа? – я спрашиваю, словно идиот. И мне в ответ доносится из шкафа: «Нам лучше знать. Ей-богу, вам идет».

– Любой мой выбор, значит, неудачен? – я говорю, хватаясь за чело. А мне в ответ:

– Но ты сюда назначен! И ведь живешь? Привыкнешь, ничего. И сам подумай, милый: не пора ли нам отойти от ельцинских начал? При нем вы что попало выбирали, и ничего никто не назначал – и нагло жировал политтехнолог, и подкуп откровенно правил бал... Но радуйся: бардак у нас недолог. Он всю страну изрядно задолбал. Чуть-чуть поропщут дураки и дуры – они себе же сделают хуже, – а после всем назначат процедуры, начальников, одежду, жен, мужей... Подумай, экономия какая! Когда-то баба, мужа завлекая, на тряпки столько тратила, а тут, разврату нипочем не потакая, ей мужа при рождении дадут! Чтoб выбором не мучиться напрасным меж, например, коричневым и красным, ты будешь сразу серый получать...

– Ну что же, – говорю, – пора кончать. Кончать с собой, не думайте плохого. Пойду повешусь, что ли. Извини.

– Нет, – говорят. – Забудь про это слово. Стреляться – да, а вешаться – ни-ни.

Неправильная победа

Февраль 2005. Президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга высказалась о предстоящем юбилее Победы.

Недавно Вике-Фрейберга (она рулит покуда Латвией свободной) сказала, что она раздражена российской хамоватостью природной. Мы не вольны, промолвила она, внушить манеры русскому соседу. Пускай они там пиво пьют до дна за эту их несчастную Победу, пусть на газете чистят воблин бок и, оторвав куски от рыбьей тушки, под рев гармони шпарят назубок свои неэстетичные частушки – нам варваров исправить не дано. История загонит их в парашу. Мы будем пить не пиво, а вино, и не за их победу, а за нашу. Простите этот вольный перевод, но суть сводилась к этому, ей-богу. Итак, латвийский доблестный народ не хочет пить за нашу Перемогу. Не мне Европу гордую учить, – ее авторитет не поколеблен, – но Фрейбергу я должен огорчить. Она, похоже, будет в меньшинстве, блин. Не зря полки шагали на убой. Не только в Новом, но и в Старом Свете за ту победу станет пить любой, раскладывая воблу на газете. И англичане, дружно разложив на свежей Times бекон и чикен-карри, поднимут крепкий эль за тех, кто жив из тех, кто фрицам надавал по харе. Французы, разложив на «Фигаро» свои сыры и жирные паштеты, – о, как течет слюной мое перо, о, Франция упитанная, где ты! – поднимут тост среди парижских крыш за тех, кто в Resistance отличился, а вовсе не за тех, кто сдал Париж и под Виши от страха обмочился. И даже в Штатах, кажется, полно таких, что в память доблестного года свое калифорнийское вино закусят сочным лобстером Кейп-Кода – и, положив на «Вашингтонский пост» отваренного краба-исполина, возьмут его за ярко-красный хвост и скажут: «Ну, за взятие Берлина!» О Вайра! Я пишу вам из Москвы. Простите, я известный безобразник. Мы выживем, ей-богу, если вы в Россию не поедете на праздник. Пятнадцать лет мы, кажется, живем без Латвии – пленительной простушки, и нашу воблу жесткую жуем и распеваем грубые частушки. И пусть глава свободных латышей, угрюмая, как гордая гиена, разложит пару заячьих ушей на доблестном таблоиде Diena – оскалится, как нильский крокодил, который плачет, если безутешен, – и выпьет не за тех, кто победил, а за того, кто в Нюрнберге повешен.

Благодарность

Февраль 2005. По всей стране прокатились прекрасно организованные демонстрации, на которых благодарное население под водительством единорогов выражало признательность партии и правительству за монетизацию льгот.

Открываю я давеча блок новостей – слава богу, они по-февральски пустые, – и тотчас пробирает меня до костей незабываемый восторг пред величием России! Демонстрации маршем идут по стране – вместо сна, вместо отдыха, вместо работы – и кричат, подражая святой старине: мол, хвала тебе, Путин, что отнял ты льготы! Протестующих надо загнать за Можай, чтоб они не позорили русскую старость. Не смотри на них, милый! Свое продолжай! Ты же знаешь, у нас еще столько осталось!

Так случилось – сейчас я как раз в Ю-Эс-Эй, весь февраль я нахально сижу в Каролине. Я тут вел семинары для местных детей, и меня три недели за это кормили. Но прочел – и как будто попал под обвал (каролинцы, увидев, пожали плечами). Я по Родине, в общем, и так тосковал, но теперь я буквально рыдаю ночами! Ах, какая там, значит, пошла полоса! Ах, какая вернулась родная картина! Там дешевая, может, уже колбаса? Там бесплатная, может, уже медицина? Может быть, там опять разморозили БАМ, и ввели продзаказы с тушенкой из сои, и грозятся Америке дать по зубам, если та не закончит с программой СОИ? О любимое детство, вонючий уют! Кто застал эти радости – те понимают. Кроме сроков, почти ничего не дают, и народ благодарен, когда отнимают! Как я помню те праздники, чистый рассвет, неизменная с первого класса программа: демонстрация утром, потом винегрет – и блокбастер от студии Горького «Мама». Но зато добродетель, назло сатане! Наслаждались любимым октябрём или маем. Понимали, что жили в великой стране. И теперь, если честно, опять понимаем.

Не могу эту радость в себе удержать. Не поверите – сердце заходится в гимне. От восторга мне хочется к стенке прижать аспирантку Мелиссу. Мелисса, скажи мне: вот когда бы ваш Буш, провалился он сто раз за попытку давленья на русскую душу, медицинские отнял страховки у вас – вы пошли бы на стрит с благодарностью Бушу? Идиот, – говорит мне Мелисса в ответ и при этом старается выглядеть строже, – мы бы сразу импичмент ему, и привет! И не тискай меня, не Россия же все же.

Вот поэтому вы – не великий народ. Вот поэтому мы – гегемон на планете. Только жаль, что меня не берут в оборот, что идут без меня демонстрации эти! Ведь на мне – все того же величия печать, тут в Америке я – как свинья в криолине, мне хотелось бы тоже идти и кричать, чтоб от этого вздрогнули все в Каролине! И один, без знамен, полусумраком скрыт, на прохожих тарашась, как снулая рыба, я иду к себе в кампус по Southern Street и шепчу в восхищении: «Путин, спасибо!»

Квотницы

Февраль 2005. Председатель Центризбиркома Александр Вешняков представил новую редакцию закона «О выборах депутатов Госдумы». Он предлагает ввести «гендерную квоту», согласно которой в партийных списках должно быть не менее 30 % женщин.

Стал Вешняков вводить на женщин квоты: сперва – в Госдуме, дальше – по стране. Сначала я сказал себе: «Да что ты!», но вдумался – а почему бы не? Не меньше трети надо их в Госдуме. И каждой чтоб регламент – полчаса, чтоб больше не тонули в общем шуме их звонкие, живые голоса. Отличнейшая мера (я серьезен). Без них парламент действует с трудом. Ведь женщины же лучше, чем Рогозин, и точно уж, чем Слипка! (Ой, пардон...) Процент козлов хоть так бы стал уменьшен. Окрестный мрак не так бы стал глубок. И вообще, квотированье женщин – отличная идея, видит бог! Возьмем меня. Живу и в ус не дую, а жизнь моя меж тем обделена. Я трачу время на чухню любую, а много ли на женщин? Ни хрена! Того не можно более терпяти. Прошу закон из нескольких статей, чтоб тратил я на них не меньше трети рабочих дней. Могу до двух третей. Опять же деньги: вот живу, не плачу, зарплата есть, хватает для житья – но как же мало я на женщин трачу! (Жена не в счет, она второе «я».) И вновь о деле: скажем, я не чайник, однако на работе, господа, терзает дважды в день меня начальник – а женщины буквально никогда! Я требую на это тоже квоты! Чтоб в день хоть раз (но я согласен пять) меня могла потребовать с работы на свой ковер любая. И терзать. Потом метро: тут тоже нет причины отбрасывать предложенную треть. Войдешь в вагон, бывало, – сплошь мужчины, и все уроды, не на что смотреть! Буквально стало ездить неприятно. Представить их в постели – просто страх. Хорошенькие бабы, вероятно, раскатывают сверху в бумерах. Я требую ограниченья эти распространить на наши поезда, чтоб в каждом было их не меньше трети, хороших! И у любой... ну да! И у любой – открытая улыбка! Я греюсь под лучами женских глаз. Мне кажется, ужасная ошибка, что нету их в правительстве у нас. Вот так, бывало, смотришь на Фрадкова или на Шойгу, боже упаси, – и наслажденья в этом никакого, и кажется, что страшно на Руси! А если б баб туда, не меньше трети, – Фрадков бы стал смотреться как жених, и не роптали б старики и дети на то, что льготы срезали у них. С правительством таким бы никогда бы до ропота и близко не дошло, поскольку знают все, что если бабы – то денег ждать как минимум смешно.

Ваших нет

Февраль 2005. В подмосковном пансионате 27 февраля состоялся первый, строго засекреченный съезд новой молодежной организации «Наши». Инициативу ее создания приписывают главному пиарщику президентской администрации Владиславу Суркову.

О, новая радость детей, стариков и прочих насельников Раши! Ужасно мне хочется в «Наши», Сурков. Сурков, запиши меня в «Ваши»! Я знаю, ты вырос и в разум вошел в эпоху маразма и гнили, когда «Запишите меня в комсомол!» в четырнадцать лет говорили. Давно уже мне не четырнадцать лет (стареть неприлично поэту), и нет комсомола, и партии нет, а главное – радости нету! Теперь-то, я верю, ты сразу мне дашь и денег, и счастья, и смысла. Мне радости нет, потому что не ваш. А с вами мне будет некисло!

Ведь ваши теперь – побеждающий класс. Вы с каждой неделей краше. Ведь ваши купили «Юганскнефтегаз», и льготы оттяпали – ваши. Любимые наши! «Единство» ценя, ненаших погнали вы в шею. Похоже, что ваши имеют меня и все, что я лично имею. Хотите, я брошу стихи и статьи? Хотите, пинок мне навесьте, но только примите вот в эти, в «Свои», в идущие с нашими вместе! Хотите, я вызубрю ваш инструктаж и к черту пошлю своих Саш и Наташ, хотите, и сделаюсь тверд, как грильяж, и стоек, как шведская стенка, чтоб только сказал одобрительно «Наш!» любимец детей Якеменко.

Но, чтобы просить о приеме в ряды, не стоило пачкать бумагу. Сурков! Чтоб мои ты увидел труды, для вас сочинил я присягу. Чтоб вздрогнул при звуке ее малювер, чтоб скауты сжались кургузо, чтоб детям слышалась музыка сфер – «Хорст Вессель», допустим, «Рамштайн», например! Чтоб мог не стыдяться повторить пионер Советского, на фиг, Союза!

«Клянусь Перуном, четой, нечетой, клянусь Марракотовой бездной, клянусь бюджетника я нищетой, великой и малою Русью святой, клянусь диктатуры упругой пятой – резиновой, а не железной! Опричниной грозной, Потешным полком, петлею Ивана, Петра кулаком, пенькою и лесом, икрой, балыком, нефтянкой, Лубянккой, нетленкой – и всем, что успел я всосать с молоком, детсадовским, с вечною пенкой! Клянусь Кольцевою твоей, о Москва. Клянусь оборонкой, что вечно жива. Клянусь автоматом Калашникова, Гагарина горним полетом – клянусь, повторяя святыя слова: “Считайте меня патриотом”.

Я буду страшнее, чем кузькина мать, и чище, чем сорок монашек. Я буду ненаших ногами пинать, где только увижу ненаших. Я буду любить доброту, простоту, я буду любить красоту, чистоту, ее защитит я за счастье почту, коль будет нуждаться в защите, – не всякую, братцы, конечно, а ту, которую вы разрешите. Я буду с хорошею книгой дружить, зимой закалять свое тело и нашему общему делу служить, не зная, что это за дело, я буду носить карабин, патронташ, хоть это не очень красиво, но чтобы с печатью и с надписью “Наш” была мне дарована ксива. За это я верю, правдой, добром, руками, ногами, пером, топором, погромом – коль будет вам нужен погром – служить обязуюсь благо! Век воли не знать, разрази меня гром».

Вы примете эту присягу?

Не надо ни денег, ни новых портков, ни порции гурьевской каши, ты только одно объясни мне, Сурков: гожусь я теперича в «Ваши»?

Приглашение

Март 2005. Президент посетил фронтовую разведчицу Антонину Ефремову, подарил ей «волгу», поцеловал у нее орден и принял в дар банку варенья. Есть предложение пойти дальше. Президента – в каждый дом! И жизнь будет искриться, как шампанское, хлещущее фонтаном из рога изобилия.

Я жажду, чтоб ко мне приехал Путин. Ведь боги у людей порой гостят? Хочу, чтобы со мною взял на грудь он по двести грамм. Ну, пусть по пятьдесят. Мы с Путиным не виделись доньше. Я до сих пор не знаю: он какой? Ведь в Серпухов он съездил к Антонине Ефремовой? А я ведь под рукой! Вошел бы, дружелюбен и нестрашен, в мой отчий дом в одном из тихих мест. Сказал бы, что подъезд давно не крашен (и тотчас бы покрасили подъезд). Сказал бы, что мои стихотворенья порой длинные, но в целом хороши. А я бы вынул баночку варенья и дал ему – бесплатно, от души. Или грибков – по августовской рани я сам собрал их, не жалея сил. Он дал бы их попробовать охране, а после, может, сам бы надкусил. И молвил бы: «Ну ладно, Дмитрий Львович, московский, с позволения, поэт. Конечно, ты тенденцию неловишь и толку от тебя большого нет, не знаешь меры ты по части блуда, в крови твоей бесчинствует Сион – но бог с тобой, пиши себе покуда. Хотя в грибах ты более силен». Как я расцвел бы от таких диковин! Я стал бы так возвышен и духовен, как после первой рюмки – алкаши! Вбежал бы в «Огонек»: «Ты слышал, Вдовин? Сам президент мне разрешил – пиши!» А Вдовин бы ко мне навстречу вышел и с мимикой безжалостной судьбы ответил так: «Да ладно, все я слышал. Писать – пиши, но только про грибы».

Еще предвижу я вопрос от Влада, который скажет эдак не без яда: «Все это не лояльность, а корысть!» – «Мне ничего от Путина не надо!» – отвечу и в лицо ему – хлобыть! Корысти нет. Мне, что ли, не с кем квасить? Варенья, что ль, другим не отнести ль? Я, что ли, не могу подъезд покрасить? Я просто не люблю гламурный стиль... Следите, гады, глаза не смыкайте – когда и в чем проданся я ему? Пусть не на «волге», пусть на самокате приедет он – я все равно приму! Мне будет просто, так сказать, приятно. Мне даже говорить не надо с ним. Про Родину? С ней все уже понятно. Про смысл всего? Но он неизъясним. Я посмотрел бы с ним бы киноленту, попил бы с ним бульона от «Нестле»... Я чувствовать хочу, что президенту нужны мы все, и сам я в том числе. А то гляжу, как город мой, завьюжен, покорно погружается во тьму, и думаю, что здесь никто не нужен. Ни Путину, ни Грефу – никому. Зачем Отчизна мучится, рождает, выводит поколения на свет? Здесь ни к кому никто не приезжает. За кем-то – да. А чтоб к кому-то – нет.

Но пусть моя душа грустит и бредит под бременем бесплодного труда – я верю: он когда-нибудь приедет, не так уж это трудно, господа. Достаточно подумать головою – что для такого надо сделать мне? Разведчицею надо фронтовою сначала быть и выжить на войне. Потом среди российского пейзажа возделывать участок небольшой. Лет шестьдесят водительского стажа иметь нелишнее будет за душой. С чиновником выдерживая сечу, поднять из праха памятник бойцам. Потом прорваться к Путину на встречу – и в тот же вечер он приедет сам! Живой как жизнь. Несбыточный как морок. С охраной из десятка верных лбов. Я верю, лет хотя бы через сорок иль пятьдесят...

Пойти собрать грибов.

Перелетные птицы

Март 2005. Самые богатые люди России – топ-менеджеры ведущих корпораций – слетали на полдня в Киев, чтобы встретиться с Виктором Ющенко. Вслед за ними по протокольной дорожке отправился и президент Российской Федерации

Летит, летит на Украину крутой десант РСПП. Он поредел наполовину, поиздержался и т. п. Уже он несколько ощипан, утратил лоск Больших Котов – но, слава богу, не погиб он и к новым подвигам готов. Позвал их лидер ряболицый, отважный Ющенко-боец – он хочет новых инвестиций и вот получит наконец. В России стало много змиев, готовых слопать всех подряд, – и полетел в свободный Киев олигархический отряд.

Летят с осанкой гордых пэров, дабы зайти на круг второй, Бажаев, Костин, Алекперов, Рязанов, Дмитриев-герой, Кудимов, Юров, Дерипаска, Тахаутдинов, Баденков – солдаты старого запаса, герои ельцинских деньков! Летят, от радости растаяв, по зову нового божка А. Городецкий, Легостаев и Евтушенков (друг Лужка), Шевчук, Каданников, Макаров (куда судьба их занесла?!), и, в гордом блеске окуляров, Степаныч (в качестве посла).

А там, под небом бирюзовым, вблизи английского двора, стоят Гусинский с Березовским и говорят: «И нам пора!».

И снова власть они получают (и даже прессу, что важней) и ненавязчиво окучат невинных киевских вождей и все ресурсы, коих мало: поля, рабсилу, уголь, сталь... Читатель ждет уж рифмы «сало» – держи, читатель, мне не жаль! Приятен киевским принцессам москаль, когда москаль богат! И станет вновь рулить процессом олигархический отряд.

Мы знаем множество примеров, когда владели всей средой Бажаев, Костин, Алекперов, Рязанов, Дмитриев седой, Кудимов, Юров, Дерипаска, Тахаутдинов, Баденков – хоть их делам вредна огласка, мы знаем этих пареньков! Под стоны местных разгильдяев опять набьют по два мешка А. Городецкий, Легостаев и Евтушенков (друг Лужка), Шевчук, Каданников, Макаров – ведь Украина их спасла! И, в гордом блеске окуляров, Степаныч (в качестве посла).

«Какой урок вождям кремлевским! Какой свободный, гордый труд!» – Гусинский скажут с Березовским и чемоданы соберут.

Когда ж иссякнет все, что было, и истощится в энный раз демократического пыла неисчерпаемый запас, как на Руси, когда предстала она в печальной наготе; когда не станет даже сала, а только рифмы, да и те... Когда – от злости, от испуга ль – народ начнет кричать «Ганьба», когда растащат сталь и уголь, курорты, фрукты и хлеба, когда от рыжих революций, которым долгий век не дан, оставят лишь огрызок куцый да слово гордое «Майдан», когда, на радость инородца, все либералы прогорят, – тогда на Родину вернется олигархический отряд.

И с видом бравых офицеров опять вернуться в русский строй Бажаев, Костин, Алекперов, Рязанов, Дмитриев шустрой, Кудимов, Юров, Дерипаска, Тахаутдинов, Баденков (им скажут в Киеве: будьласка, не надо нам таких братков). Умчатся, Ющенко оставив у опустевшего горшка, А. Городецкий, Легостаев и Евтушенков (друг Лужка), Шевчук, Каданников, Макаров – все, чьим талантам нет числа. Плюс, в гордом блеске окуляров, Степаныч (в качестве посла).

А там, под дождиком московским, среди промозглой полутьмы, стоят Гусинский с Березовским и говорят: «А вот и мы!».

Верхи хотят

Март 2005

На днях случилась вещь сенсационная. Начав перед народом выступать, Лужков сказал, что революционная в России ситуация опять. В Кремле решили – нечего бояться там, а между тем в ближайшие года все может получиться, как в семнадцатом. А может, даже круче, чем тогда.

Все это глупо, может быть, по сути, но... Сегодня жизнь и вправду нелегка. Хочу сказать, что я на месте Путина уже насторожился бы слегка. Страна не может называться крепкою, коль смены власти жаждет хоть один гиперактивный человечек с кепкою на лысине, сияющей, как блин. Что сделаешь, давно живу на свете я. История украла мой покой. Давно, в начале прошлого столетия, один такой уже взмахнул рукой. Не бойтесь Абрамовича и Лисина, а бойтесь лишь того, кому дана приплюснутая кепочка. И лысина. И очень энергичная жена. На власти глядя, мучаюсь в тревоге я. Не то чтоб нам захватчики грозят, – зато видна прямая аналогия с творившимся столетие назад. Все партии мне кажутся бессильными, народ по духу – сущий троглодит, Госдума занимается мультфильмами (и скоро их успешно победит), в рядах интеллигенции – апатия, всеобщий страх заглядывать вперед... Кто первым скажет «Есть такая партия!», тот рухнувшую власть и подберет. Не нравится стоять на перепутье мне. Чувствительность моя обострена. Россия при Распутине и Путине – одна и та же, в сущности, страна.

Рассудочность Лужкова вне сомнений, но... Кто может знать, на что способен мэр? Я думаю, что он похож на Ленина – отсутствием запретов, например. Когда-то все в войне решала конница, теперь же – лишь решимость и бабло. Успешен тот, кто меньше церемонится и может раньше засветить в табло. Их уровень сегодня – ниже скотского, народ готов на всяческую месть... Что, нет вождей? Кобзон сойдет за Троцкого. А не сойдет – так Церетели есть. Тут даже без оружия холодного возможно взять качнувшуюся власть – и в образе заступника народного на голову народную упасть. Всем олигархам дать под зад коленку – пускай «Система» правит торжество, – и главное, что никаким Доренкою уже не остановишь никого! Один сегодня выход мне мерещится, достаточно спасительный на вид. Хочу вступить в лужковское «Отечество», когда Лужков его подобновит. Хочу флажком размахивать в азарте я, хочу валить смущенного врага... Когда он крикнет: «Есть такая партия!», я с места крикну радостно: «Ага!» Когда война окончится победою, падет последний вражеский редут – дадут ли пост в правительстве – не ведаю.

Но хоть квартиру в Митине дадут!

Баллада о бедной армии

Апрель 2005. Украинская Рада обсудила возможность введения в стране легального откупа от армии. В России как раз начинается весенний призыв. Как выглядела бы откупная армия в российских условиях?

Пришла весна. Настал призыв. Мясистый военком, юнцам сурово погрозив, бряцает кошельком: «– Сдавайте деньги, кто богат, – я дам вам белый билет! А тот, кто беден, – пожалте в ад, плясать строевой балет!» И кто богат – вернулся домой, птичье пить молочко, а тот, кто беден, – отправлен в строй, в казарму драить очко, и чистить поверхность краников медных, и старшим стирать хэбэ... О армия бедных, армия бедных! Легко воевать тебе.

Солдатская жизнь наперед размечена, занятыя – нельзя тупей. Терять нам нечего, нечего, нечего, кроме своих цепей. В казарме им сказали: «Что ж! Держитесь, салажье. Кто беден – пусть берет штык-нож, патроны и ружье. Сперва он будет маршировать, чтоб дрогнули все враги, а после дедам заправлять кровать и чистить им сапоги. А кто побогаче, вам говорят, – сдавайте кто чем богат, и вас запихнут в кухонный наряд, а может – на тихий склад». И кто наскреб хоть сто рублей – в столовую повернул, а кто оказался и тут бедней – пошел стоять в караул, ногами тонкими в голенищах окрестных ворон смеша. О армия нищих, армия нищих! Для нас и ты хороша. Мозоль засохла, нога подлечена, в желудке – пустые щи... Терять нам нечего, нечего, нечего, – Вселенная, трепещи!

Пришла война. Коварный враг напал на милый край. И командир промолвил так: «О рота, выбирай! Кто может сдать мне по рублю, по рублику хотя б, – того я крепко полюблю и командирую в штаб. А кто не может – пойдет в окоп, и пусть его вошь заест. Я всем обещаю бесплатный гроб, а также бесплатный крест». И кто наскреб хоть рупь, хоть пять – ушел с передовой, а кто победней, пошел воевать, рискуя головой. И после пары сражений трудных испуганный сдался враг – ведь армию скудных, армию скудных нельзя победить никак!

Терять нам нечего, нечего, нечего! Бояться ли нам огня?! Кого страна уже изувечила, тому и война – фигня.

Победа, граждане. Парад. Желанней нет поры. Над Красной площадью парят воздушные шары. Равняйся! Считайсь на первый-второй! Врага поверг во прах живых скелетов жалкий строй в дырявых сапогах. А в небе Бог проводит смотр погибших на войне, и молвит у райского входа Петр: «Богатые, ко мне! Кто здесь хоть чем-нибудь богат, входите без затей, а тот, кто беден, – ступайте в ад собою кормить чертей. У нас тут тоже хозрасчет – гоните хоть рупь, хоть шесть. А то и крыша в раю течет, и ангелы просят есть...» И вот на райских холмах пологих – те, кого Бог позвал, а самых убогих, самых убогих спустили в адский подвал. Не плачь, шагая в адское печево! Россия – наша страна. Терять нам нечего, нечего, нечего! И пусть дрожит Сатана!

Кока-кома

Май 2005

В Америке опять проснулся коматозник. Несчастливая семья изверилась вконец. Он был простой сержант, здоров, что твой колхозник, пожарник удалой, четырежды отец. Однажды он явил отвагу на пожаре, ударен балкой был (тому уж десять лет!) – и ровно десять лет врачи его держали в палате для таких, кому возврата нет. Недвижный и немой, лежал он на кровати. Порой к нему родня являлась на часок. «С ним можно говорить?» – врач отвечал: «Давайте», – но он молчал в ответ, ударенный в висок. Второго мая вдруг вернулся он из комы, позвал к себе жену, детей расцеловал – и тотчас попросил бутылку кока-колы: врач все ему давал, а колы не давал!

Сбежалась пресса вся – тут есть на что смотреть им! Он хочет видеть всех. Врачи кричат: «Нельзя-с!»... Два года уж тому – году в две тыщи третьем, – такой же случай был, но в штате Арканзас. Поехал я тогда писать про арканзасца, про Терри Воллиса (поселок Мантин Вью). Он двадцать лет назад с друзьями нализался, сначала громко пел, подобно соловью, в отцовский грузовик потом полез с друзьями, кататься захотел – и полетел с моста. Он три часа лежал в пятиметровой яме и в кому впал потом (друзьям же – ни черта). Он двадцать лет лежал недвижно в Арканзасе, врачи отчаялись, не прилагали сил, уже и дочь его была в десятом классе... Как вдруг очнулся он – и колы попросил!

Есть что-то странное в таком пристрастии к коле. Воистину, она у штатовцев в крови. Поэтому, когда они в глубокой коме не слышат никого (хоть в рупор их зови), когда они в бинтах от пяток до затылка лежат и видят сны, не мысля, не скорбя, – им чудится во сне заветная бутылка, и просят лишь о ней они, придя в себя. Потом им вспомнятся причастия, глаголы и прочие слова, но первые – о ней. Быть может, это все реклама кока-колы... Но я же видел их, очнувшихся парней! Я вообще люблю счастливые исходы. Мне нравится, когда пожарник или шофер, в неведомой стране пространствовавший годы, очнулся и семье объятья распростер! Надеюсь, медики простят меня, невежду, коль честно я скажу (хоть правда не в чести): когда гляжу вокруг, лелею я надежду, что может полутруп в сознание прийти! Моя любимая лежит сегодня в коме. Никто ее пока в сознание не вернул. Примерз Владивосток, и еле дышит Коми, и, кажется, покрыт коростой Барнаул, окраины горят и тихо отпадают, конечности гниют тому уж двадцать лет... «Опомнись! Отзовись!» – все родичи рыдают и пробуют будить, но им ответа нет. Варили кашу ей и за нее жевали... «Очнись! Ограбят ведь!» – орали сыновья. Теперь не знаю сам – жива ли, не жива ли... любил ли я ее – или это бредил я... Боюсь, что даже врач, тупой, как жук-навозник, не лечит бедную, а яд вливает в грудь... Но если в Штатах вновь очнулся коматозник – то, может, и она очнется как-нибудь?

Откроет правый глаз, потом поднимет брови, припомнит, кто она, увидит белый свет...

Но вместо колы, блин, опять захочет крови.

Любимая моя, не просыпайся, нет!

Рука Москвы

Май 2005

Когда, слетев из поднебесной выси, с Саакашвили обнимался Буш; когда внимал восторженный Тбилиси беседе этих двух высоких душ; когда тбилисцы радостно решили, что лидеры на дружеской ноге, когда уже сказал Саакашвили – «Мы лучший ваш партнер из СНГ!» (как если бы уже вторая Джорджия желала влезть под Бушево крыло), и нежно скалясь, словно Цезарь Борджиа, на это Буш сказал ему «Hello!» – и радостно добавил «Гамарджоба!», причем народ от счастья закричал, – когда публично обнимались оба и хлопали друг друга по плечам; когда уже пропел грузинский лидер, что всем грузинам вольность дорога, и счастлив он, что наконец увидел Эвксинский Понт свободным от врага, что он накрыл свободой, точно сетью, Абхазию, Аджарию и проч., и накрывает Южную Осетию (но в этом просит несколько помочь); когда он восторгулся блоком НАТО и тут же захотел туда войти, – тогда внезапно шлепнулась граната от президентов метрах в тридцати.

На площади случилась потасовка. Охранники утратили покой. Всем как-то стало несколько неловко: ведь тут же гость, и главное, какой! Рыдала Бурджанадзе безутешно, и президенту было не смешно: она была учебная, конечно, но если б не учебная, то што?! Ведь на охрану чуть не разорились, ведь красили газоны чуть не год, ведь, кажется, почти договорились, что Грузия теперь – маяк свобод... И тут граната, батюшки, граната! Подумайте, в кого могло попасть! Откуда-то упала-то она-то – в стране, где так ужасно любят власть? Возможно, были зрители поддаты? А может, сам батона Михаил велел толпе кидать ему гранаты, но объяснить, какие, – позабыл? Никто не знает. Так или иначе, грузинам омрачили торжества, и нынче в каждой третьей передаче там говорят, что это все Москва.

Вот тут я рад. Вот тут бровей не хмурю. Восстал из праха русский исполин! Вы снежную свою недавно бурю – и то Москве приписывали, блин. Да, это наша, русская граната, ее подбросил Путин, мой кумир, а что не взорвалась она, ребята, – так это потому, что мы за мир. Мы тянем наши щупальца по свету, в карманы залезая и в умы. И ежели в Тбилиси газа нету и денег нет, так это тоже мы! Уж очень нам обидно, что грузины любезны всем, а нам никто не рад. Мы на корню сгноили мандарины, внедрили филлоксеру в виноград, нагнали туч, взбесили буйный Терек, насыпали кавказские хребты – все для того, чтоб гости из Америк не оценили местной красоты!

И если будет что у вас неладно, и если в чем не преуспели вы, – допустим, слишком жарко, иль прохладно, иль дождь, – валите на руку Москвы. Вам это все равно, а нам приятно. На нас грешите: мы перенесем. Хотя величье наше невозвратно, мы любим быть виновными во всем. Погода, пьянство, кризисы, гранаты – во всем мы будем вечно виноваты по главному закону естества...

Саакашвили, правда, – это Штаты.

Но остальное, граждане, – Москва!

Раздача осла

Уши от мертвого осла – вот что получит Латвия в ответ на свои территориальные претензии. Так и сказал президент Путин на встрече с редакцией газеты «Комсомольская правда», прошедшей 23 мая 2005 года.

Владимир Путин, братски посещая редакцию прославленной «КП», с коллегами распил немного чая, ответил на вопросы и т. п. Коснулись Белоруссий, Грузий, Латвий (все лезут на Россию, нашу мать, – и вскорости у нас не хватит лядвий, чтоб их передо всеми разжимать). Заспорили о договоре с Ригой: газетчиков давно волнует он. Согласьем мы ответим или фигой на просьбу сдать Пыталовский район? Взор Путина был деловит и светел. Едва «КП» вопрос произнесла, как он с большим достоинством ответил:

– Получат уши мертвого осла.

Мне нравится позиция такая. Не то чтоб я имперский троглодит, но гнусно усмехаюсь, представляя, как Фрейберге там в Латвии сидит, мечтает о Пыталовской распилке буквально двадцать третьего числа, а ей в кремлевской праздничной посылке приносят уши мертвого осла! Приятно мне достоинство ответа, решительного, как удар весла...

Но главное, что радуется, – не это.

Пошла раздача мертвого осла!

Вот, нахватавшись штатовской заразы, почти целуя Бушевы следы, грузины изгоняют наши базы и обещают их лишить воды. Мол, топайте домой еще до лета. Грузинская позиция ясна, продуманна – и скоро им за это вручат копыта мертвого осла.

Вот Украина. Мы теперь ей любимы, как сионисту мил антисемит. Там Тимошенко искривляет губы и нашим энергетикам хамит. Конечно, СНГ – давно руина, разводка никого не потрясла, но что ж наглеть?! За это Украина получит хвост от мертвого осла.

Давно – еще когда мы жили с Борей и гибели не видели в упор – китайцы ждали наших территорий и, кажется, хотят их до сих пор. Японцы тоже жмут на нас жестоко, кремлевская пресс-служба донесла... Желаящие Дальнего Востока получают попу мертвого осла.

И все, кто нами в чем-то недоволен, или обидит нашего посла, иль не уважит наших колоколен, получают части мертвого осла. Все эти радикальные исламы, и натовцы, и прочая шпана... Вот раздадим покойного осла мы – и будет здесь нормальная страна.

Ведь все у нас так мерзостно и тупо – нехватка сил, упадок ремесла – лишь потому, что мы в плену у трупа, что мы под сенью мертвого осла! Он, разлагаясь, провонял нам воздух. Все сны и мысли отравляет он. Он расплодил избыток мух навозных и прочих паразитов легион. Одни зовут его проектом красным, другие же – империей, как Кох, но мне покуда остается ясным лишь то, что он осел. И что издох. Когда-то, в прошлом, в детстве беззаботном, пропахшем бодрой «Красною Москвой», он, может, был полезнейшим животным – но всем животным срок отпущен свой. И хороши мы были или плохи – чтоб Родина сама себя спасла, она должна задачей эпохи признать раздачу мертвого осла. Ведь потому-то наш союз ослаблен. Нас потому и бросит большинство, что мы горой за мертвого осла, блин... и все реанимируем его... Вот так я понял путинское слово, истолковал его внезапный пыл.

Пора родить кого-нибудь живого.

Но не осла. Осел уже тут был.

Пропавшая грамота

Лето 2005. Глава МВД Рашид Нургалиев, выступая на заседании, приуроченном к Дню защиты детей, заявил, что страна переживает третью – после Гражданской и Отечественной войн – волну безграмотности. Сегодня в России два миллиона неграмотных подростков, сказал он.

Рашид Нургалиев (от чьих новостей читатели часто немеют) поведал, что два миллиона детей в России читать не умеют. Со дня окончания Второй мировой так много малюток с пустой головой и с памятью в виде провала в России еще не бывало.

Но стоит ли выть и прохожих кусать, подобно мультяшному волку? Пускай я умею читать и писать – а фиг ли от этого толку? Вот тут Ходорковский опять прогремел, он тоже немало имел и умел, и проку с такого умения? Судья, приговор и камень.

Страна наконец начала процветать, минуя капканы и мели. Здесь вечно умели писать и читать, а жить никогда не умели. Российские мальчишки, мать-перемать, две вещи умели – читать и взрывать: едва «Колобка» прочитают – и царства на воздух взлетают! Читаешь – и думать уже ни о чем ни часу не можешь. Куда там! Булгаков остался бы классным врачом, и Горький – купчиной богатым, а Пушкин придворным закончил бы дни, когда бы читать не умели они. И Фета, и графа Толстого сгубило печатное слово! Российские новости – хвори лютей. Под нами бурлит преисподня. Как славно, что два миллиона детей узнать не сумеют сегодня о том, что в Кремле состоялся прием и Путин примазался к «Нашим» на нем, что снова подрались в Бишкеке (есть жертвы, а также калеки), что снова провален весенний призыв в армейской родной костоломке, что Путиной нравится русский язык (смотри интервью в «Комсомолке»)… Сказал же один замечательный дед: «Едите обед – не читайте газет! А лучше и после обеда не трогайте этого бреда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.